

В.П. Шахеров

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ XVIII–первой половины XIX в.: СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Проблема формирования и развития сибирской буржуазии приобрела в современных условиях значительный научный и общественный интерес. Рыночные реалии и появление в обществе экономической и политической силы в лице предпринимателей новой волны вызвали необходимость обратиться к более внимательному изучению места и роли предпринимательских кругов в дореволюционной России. Исследования сибирских историков последних лет значительно расширили представления о купечестве региона, его месте в структуре формирующегося общероссийского рынка, роли в экономической и общественной жизни сибирского города, культурно-нравственных ориентирах¹. Слабее изучено участие в торгово-промышленной деятельности других социальных слоев сибирского общества. Необходимо отметить, что большинство исследований связано с изучением различных аспектов предпринимательства Западной Сибири и разрабатываются историками Томска, Новосибирска и Барнаула. Для региона Байкальской Сибири, к сожалению, данная тема изучена гораздо меньше. Отсутствуют и обобщающие исследования.

В настоящей статье предпринята попытка проследить основные этапы и тенденции формирования предпринимателей Байкальской Сибири, включающей в свой состав южные уезды Восточной Сибири. В центре ее — иркутское купечество, которое представляло наиболее массовый отряд предпринимателей края, и было уже к концу XVIII в., по словам одного из современников, «предприимчиво, сведуще в отправляемых им торговых делах и производит оные лучшим образом, нежели иногороднее российское купечество»².

В Иркутске очень рано сложился слой торгово-промышленных людей, но превращение их в подлинную общественную

силу, осознание своей роли в обществе и стремление служить ему шло постепенно, вбирая в себя все изменения, которые происходили в стране и крае. Иркутск уже в конце XVII в. становится заметным торгово-ремесленным центром Сибири. Из разных мест России и Сибири стекались сюда люди предприимчивые, неординарные, рассчитывающие только на себя, на свою удачу. Привлекало их выгодное географическое расположение города, стоящего в центре пересечения торговых путей с севера и востока Сибири, а также ориентация на внешнюю торговлю с пограничными странами. Значительная часть переселенцев представляла города северо-востока России Устюг Великий, Яренск, Пинегу, Вологду, Тотму, Архангельск. Именно русскому Северу обязан Иркутск появлению в городе таких известных купеческих династий, как Сибиряковы, Трапезниковы, Саватеевы, Баснины. По крайней мере, до 35% иркутских купцов вели свои родословные от предпринимателей Поморья. В дальнейшем прирост купечества в основном шел за счет местных капиталов. Так, среди иркутского купечества конца XVIII–первой трети XIX вв. иногороднее купечество составляло всего 14,8%. Да и в остальных городах региона, за исключением Кяхты, также преобладали местные капиталы. В Кяхте же пришлый капитал составлял до половины (42,4%) всех гильдейцев. Причем значительная часть их была выходцами из различных мест региона. Иркутяне, например, составляли до трети иногороднего купечества или около 12% кяхтинских купцов³.

Уже в первые десятилетия XVIII в. купечество составляет самую многочисленную группу сибирского посада. Только в Иркутске в 1724 г. в купечестве числилось почти 2,5 тыс. человек, что составляло более 80% всех жителей города. Следует, правда, иметь в виду, что запись в гильдию была во многом формальной. Этому способствовал и низкий имущественный ценз, что приводило к тому, что в составе купечества оказывалось немало лиц, вообще не занимавшихся предпринимательством. Большинство из них едва сводили концы с концами и даже не всегда могли заплатить за себя подати. В середине столетия реальное число сибирских купцов, занимавшихся коммерцией, составляло в разных городах всего 35–45% от общей численности гильдейцев. Остальные были ремесленниками, приказчиками, наемны-

ми работниками или вообще значились среди «старых, дряхлых, увечных и малолетних»⁴.

В 1765 г. в предпринимательской сфере участвовало 820 иркутских купцов. Из них 50 человек были заняты в русско-китайской торговле. Это были наиболее состоятельные горожане, капитал которых составлял до нескольких десятков тысяч рублей. В эту группу входили Сибиряковы, Ворошиловы, Сизых, Киселевы, Шалины и др. Кроме китайского торгога, они имели различные промышленные предприятия, участвовали в освоении тихоокеанских промыслов, являлись крупными откупщиками. Еще семь купцов имели торги на северо-востоке Сибири, остальные участвовали во внутренней торговле региона самостоятельно, либо выступая в качестве агентов других купцов. Всего же в городах Иркутской губернии числилось 4711 ревизских душ, состоящих в купечестве. В развитии внешнеэкономических связей было занято 651 человек (13,8%) на общую сумму в 232 510 р. Наиболее состоятельными были иркутские купцы, капитал которых в среднем на одного торгующего доходил до 2029,8 р. Заметно меньше было у нерчинских (1646,7 р.) и селенгинских (451,7 р.) купцов⁵. Несмотря на то, что абсолютное большинство кяхтинских купцов (87,3%) были связаны с русско-китайской торговлей, они в основном были представлены небольшими капиталами в 150–200 р., и, главным образом, обслуживали торговые операции крупных российских предпринимателей. Еще около 1478 человек (31,4%) были включены в структуру регионального рынка, обеспечивая развитие торговых связей региона. В табл. 1 приводятся сведения о составе иркутских предпринимателей, занятых во внутреннем торгоге.

Таблица 1

**Состав иркутского купечества, занимавшегося
внутренней торговлей в 1765 г.⁶**

	І статьи	ІІ статьи	ІІІ статьи
Купечество	88	247	275
Лавочные сидельцы	20	34	12
Приказчики	6	–	1
Отпущенные по паспортам в другие города	14	21	45
<i>Всего</i>	128	302	333

В то же время, значительная часть купцов только числилась в сословии, а в действительности занималась различными ремеслами, хлебопашеством, работой по найму. Таковых по губернии насчитывалось 2582 души мужского пола, или 54,8% всех числящихся в купечестве.

Высокая степень социального разложения купечества, отсутствие четкого определения его правового статуса вызывали многочисленные прошения и челобитные купцов. О необходимости повысить роль купечества в посадской среде, укрепить его правовые основы, оградить от конкуренции иногородних торговцев и других сословий говорилось в большинстве наказов от городов в Уложенную комиссию Екатерины II. Реформа 1775 г. официально закрепила раскол купечества. Преследуя цель «очистить» его ряды от малоимущих, она в десять раз подняла имущественный ценз. Все купцы, имевшие капитал менее 500 р., образовали новое сословие мещан. Граница между ними определялась лишь наличием необходимого капитала, т.е. фактором несословного характера. В то же время, чтобы повысить авторитет предпринимателя, за ним закреплялись чисто сословные привилегии. Купечество исключалось из подушного обложения, с него были сняты рекрутская повинность, ряд обременительных казенных служб, а первые две гильдии освобождались от телесных наказаний. Разделение на гильдии осуществлялось согласно размеру объявленного капитала, минимум которого составлял для третьей гильдии 500 р., для второй — 1 тыс., для первой — 10 тыс. р. В дальнейшем правительство неоднократно повышало минимальные размеры капитала, доведя их к 1807 г. соответственно до 8, 20 и 50 тыс. р.

«Чистка» купеческих рядов привела к резкому сокращению купечества. До реформы 1775 г. в Иркутске числилось более 2 тыс. купцов. По новому разделению в сословии осталось всего 77 капиталов. Наибольшие потери понесли первые две гильдии. По первой гильдии на весь регион был зафиксирован всего один капитал, по второй — 19, по третьей — 145⁷. Впрочем, подобная картина имела общероссийский характер. По сведениям Сената по Российской империи в составе купеческого сословия осталось только 12% прежней численности.

Формирование купеческих капиталов сопровождалось острой конкурентной борьбой и разорением мелкого купечества.

Периодическое повышение минимума объявленного капитала «очищало» купеческие ряды от малосостоятельных и случайных лиц. Ежегодно происходило обновление рядов купеческого общества. Социальная мобильность купечества характеризовалась высокой степенью внутри сословного передвижения. Из 122 семей, числящихся в иркутском купечестве в 1795 г., смогли сохранить свои позиции спустя два десятилетия всего 44, а остальные перешли в низшие сословия⁸. Причины разорения были различны. Торговля не только приносила высокие прибыли, но нередко приводила и к полной потере капитала. Острая конкурентная борьба на местном рынке, все возрастающее проникновение российского капитала, а также увеличение числа торгующих за счет других слоев населения приводили к постоянному обновлению купеческих рядов. Одной из причин выхода из гильдии являлось стремление избежать уплаты процентов с капитала. О возможности производить торговлю без записи в гильдию говорит тот факт, что среди мещан и мелкого купечества Иркутска встречались предприниматели, состояние которых достигало сотен тысяч рублей. К ним можно отнести купцов третьей гильдии Лычаговых, Поповых, Саламатовых, Зубовых, мещан Дегтевых, Храмцовых, Сизых и других.

Наконец, в качестве причин выхода из гильдии можно отметить такие, как смерть главы семейства и отсутствие совершеннолетних наследников, смена местожительства, долги и т.п. Нельзя не обратить внимания и на свидетельство иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, утверждавшего, что немало купцов и целых купеческих домов «ежегодно разоряется от праздности, распущенной жизни и особенно от пристрастия к пьянству»⁹. Все указанные причины, конечно, влияли на колебания численности купеческих рядов. Но определяющим обстоятельством являлась налоговая политика правительства, сделавшая невозможным пребывание в купечестве для малосостоятельных и неимущих лиц.

Многие разорившиеся купцы, выходя в мещане, продолжали заниматься предпринимательской деятельностью и не оставляли надежды восстановить свое положение. Значительная часть их оседала в верхней прослойке мещанства, представляющей вполне сложившуюся мелкую буржуазию. Поэтому неудивительно, что

формирование капиталов шло в основном за счет купеческого и мещанского сословий. Как видно из табл. 2, более 80% иркутских купцов были либо потомственными, либо вошли в гильдию из мещан. Участие остальных сословий было малозаметно.

Таблица 2

Происхождение купечества Иркутска (1795–1833 гг.)¹⁰

Социальный состав	Количество семей	%
Купцы	150	38,2
Мещане	175	44,3
Цеховые	23	5,85
Крестьяне	16	4,2
Разночинцы	6	1,6
Происхождение неизвестно	23	5,85
<i>Всего купцов</i>	393	100

Анализ персоналий иркутского купечества позволяет утверждать, что наиболее стабильной была его зажиточная верхушка. Родословная некоторых ее представителей насчитывала до 3–4 поколений. Так, купеческие фамилии Сибириковых, Саватеевых, Трапезниковых были известны еще в первой половине XVIII в. После реформы 1775 г. среди гильдейцев появились такие крупные в будущем предприниматели, как Мыльниковы, Солдатовы, Киселевы, Баснины и другие. В свою очередь, ряд старых купеческих родов — Глазуновы, Бичевины, Ворошиловы, Пахолковы — прекратили свое существование. Как правило, чаще подвергались разорению представители второго-третьего поколений. Объяснялось это тем, что при разделе наследственного капитала он дробился между несколькими наследниками. Кроме того, у многих из них не было уже той деловой хватки и умения, которая отличала основателей родов. Так, прервались в начале XIX в. богатейшие купеческие дома Мыльниковых, Дудоровских, Киселевых, Щегориных.

Реформы последней четверти XVIII в. укрепили правовое положение купечества, его главенствующую роль в городском самоуправлении, способствовали росту его рядов. По сравнению с 1780-ми годами численность иркутского купечества к 1807 г. утроилась, правда, рост происходил в основном за счет третьей гильдии. В дальнейшем наблюдается сокращение численности

купечества. Оно объяснялось очередным возрастанием минимума объявляемого капитала и следствием манифеста 1807 г., передавшего всю внешнюю торговлю в руки первогильдейцев, что особенно больно ударило по мелкому и среднему купечеству, связанному с русско-китайской торговлей. Манифест 1807 г. способствовал еще большему размежеванию иркутского купечества. Капиталы первой гильдии в течение года выросли в четыре раза. Рост первогильдейцев наблюдался и в других городах региона. В Верхнеудинске, например, до 1807 г. не было ни одного купца первой гильдии, а после реформы объявили капитал сразу четыре семейства¹¹. Рост первой гильдии происходил главным образом за счет купечества второй и, в меньшей степени, третьей гильдий. Из 16 капиталов, объявленных по первой гильдии в 1809 г. в Иркутске, восемь перешли из второй, пять из третьей¹².

Особенно чувствительно реагировало на налоговую политику правительства мелкое купечество. Его численность к 1823 г. сократилась более чем в четыре раза. За период с 1807 по 1823 гг. иркутское купеческое общество покинуло около 144 капиталов¹³. Подавляющую часть банкротов — 94% составляли мелкие купцы. К концу первой четверти XIX в. правительство начинает беспокоить постоянное сокращение процентных сборов, и оно предпринимает ряд мер по обеспечению роста капиталов. С 1825 г. численность купечества третьей гильдии начинает возрастать. Этому способствовало понижение цены гильдейского свидетельства, а также меры, ограничивающие возможность торговой деятельности для лиц некупеческого сословия.

Следует сказать, что отмеченные тенденции были более характерны для крупных городов региона, прежде всего Иркутска. В малых городах с их неторопливым экономическим и социальным развитием формирование купеческого капитала проходило более медленно и имело существенные особенности. Так, купеческое сословие Киренска, лежащего на крупной транспортной артерии края — Лене, хотя и начало формироваться в конце XVIII в., сложилось только к 1820–30-м годам. По своим капиталам киренские купцы принадлежали в основном к третьей гильдии. Лишь во второй четверти XIX в. в городе появляются купцы второй, а затем и первой гильдий, но таковых было всего несколько семейств.

Сфера приложения капиталов деловых кругов региона была разнообразной. Следует отметить, что основная часть товарообмена между Европейской Россией и Сибирью приходилась на транзитную торговлю, которая обеспечивала интересы русско-китайской торговли. Лишь немногие сибирские предприниматели были задействованы в осуществлении товарообмена между метрополией и сибирскими окраинами. Хотя, конечно, транзитная торговля содействовала развитию путей сообщения и сибирского транспорта, стимулировала мелкое предпринимательство и простейшие виды обрабатывающей промышленности. Необходимо также добавить, что восточная часть Сибири специализировалась на промысловом хозяйстве, в то время как на западе основу экспорта составляло сельскохозяйственное сырье. Продукция Западной Сибири была более ориентирована на Ирбитскую ярмарку. Крупные же предприниматели из Иркутска и Забайкалья предпочитали разменивать свою продукция на российские товары на Нижегородской ярмарке. Эту особенность в направлении товаропотоков из основных регионов Сибири отмечал в свое время Г.Н. Потанин. «Купцы западной половины Сибири, — писал он, — со своими тяжелыми и громоздкими, но дешевыми товарами ездили сбывать их на Ирбитскую ярмарку, где и покупали для своей половины Сибири продукты московской мануфактуры; купцы же восточной половины Сибири проезжали со своими легкими для провоза, но дорогими мехами и чаями до Нижегородской ярмарки и здесь закупали фабрика-ты»¹⁴. Возможно, эта специализация содействовала увеличению численности купечества на восточных окраинах. Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше среднесибирской, иногда значительно. Так, в 1816 г. на 100 мешан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень. Наиболее крупный отряд регионального купечества находился в губернском центре. В конце XVIII–первой трети XIX вв. в городах Иркутской губернии насчитывалось около 600 купеческих капиталов (с членами семей до 3 тыс. душ), из которых на долю Иркутска приходилось до 70%.

Основной сферой приложения сибирских капиталов была торговая и промысловая деятельность. Крупнейшее иркутское купечество вкладывало капиталы в развитие хяктинской тор-

говли, скупало и перепродавало пушнину, отправляло корабли к островам северной части Тихого океана, монополизировало отдельные виды производства и торговли. В русско-китайской торговле участвовало до 40 иркутских предпринимателей, некоторые из которых переселились в Кяхту и составили костяк тамошнего купечества. Уже в середине XVIII в. собственные промысловые компании на Тихом океане имели Н. Трапезников, Е. Югов, И. Бечевин. Со второй половины столетия Иркутск превратился в своеобразную базу промыслового освоения островов Тихого океана и Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, нанимаются промышленные люди. По справке городской думы в 1770–1790 гг. на судах различных компаний работало 165 иркутян¹⁵. В Иркутске почти постоянно проживали устюжские купцы И. Бахов и Н. Шалауров, курский И. Голиков, рыльский Г. Шелихов, якутский П. Лебедев-Ласточкин и другие «колумбы Росские». Не менее успешно промысловой деятельностью занимались иркутяне братья Киселевы, Дудоровские, Л. Шабалин, Н. Мыльников, М. Сибиряков. Неслучайно иркутяне играли на первых порах ведущую роль в Российско-Американской компании.

Еще одним из источников накопления капиталов служила тесная связь купечества с местной администрацией. Разнообразные подряды и откупа давали возможность делить крупные казенные суммы между купцами и чиновниками. Проводивший в Сибири ревизию сенатор И.О. Селифонтов нашел в Иркутске подрядчиков из числа крупного купечества, «которые здесь с давних пор неперемные, привыкшие считать себя необходимыми в казенных поставках и потому неумеренные в своих выгодах, приобвыкшие притом к слабости начальства, делавшего им потачки, а иногда и одни с ними виды имевшие»¹⁶. Крупнейшими откупщиками были все те же богатейшие иркутские купцы Сибиряковы, Мыльниковы, Баснины, Дудоровские, Солдатовы, занимавшиеся производством и поставками вина, соли, хлеба, перевозками свинца и меди из Забайкалья на Алтайские заводы.

Свое экономическое положение купечество подкрепляло ведущей ролью в городском общественном управлении. Это позволяло им не только хозяйничать в городе, но и представлять заметную оппозицию губернской администрации. В отстаива-

нии сословных и городских интересов наиболее деятельные, волевые из купеческой элиты приобретали общественный вес и авторитет. Современники отмечали существование в Иркутске уже в конце XVIII в. сплоченной купеческой партии, отстаивающей свои монопольные права на предпринимательскую деятельность и сферу городского управления и хозяйства. «В городе, — замечал один из мемуаристов, — где не было дворянства, кроме бедных и безгласных чиновников, купеческое общество одно составляло некоторый оплот самоуправству и беззаконию, столь обыкновенному в прежнее время в отдаленных провинциях»¹⁷. Справедливости ради следует отметить, что занятие купцами высоких должностей сказывалось благоприятно на их торговой деятельности. Они получали возможность получить выгодные контракты, подряды и откупа.

Борьба иркутского купечества с губернской администрацией в конце XVIII–начале XIX в. объективно содействовала активизации общественной жизни не только в столице Восточной Сибири, но и в других городах края, формированию идеалов и мнения городского общества. Перед нами уже не «темное царство», где «нет ни света, ни тепла, ни простора», а вполне сложившаяся купеческая олигархия, сознающая и отстаивающая свои корпоративные интересы. И что немаловажно, — эти изменения в общественной жизни и быте сибирских купцов происходили почти на полвека раньше, чем у их собратьев в России. Еще в середине XIX в., по свидетельству московского купца Н.П. Вишнякова, значительная часть московских предпринимателей жила семейной, патриархальной жизнью. «В нашей среде, — писал он, — интересы общественные были слабо развиты, а политических и вовсе не существовало... Все это нас трогало мало. О правительстве, всем том, что могло иметь к нему отношение, старшие говорили с оглядкой, шепотом»¹⁸.

На формирование социально-психологического климата в городском обществе наложила отпечаток самобытность городской культуры. В конце XVIII в. Иркутск превосходил все другие сибирские города по степени насыщенности культурной среды. Такая интенсивность социокультурных процессов являлась прямым следствием стабилизации коммерческого и общественного положения иркутян. «Самый образ тамошних дел и промышлен-

ности, — справедливо отмечала Е.А. Авдеева-Полевая, — требующий смелости, непрерывно новых соображений и некоторых сведений, способствовал направлению общества к образованности, ибо известно, что промышленность и торговля, не ограничивающиеся только делами своего города, всего больше способствуют развитию умов и общей образованности. Оттого являлись в Иркутске между торговым сословием люди необыкновенные и множество лиц достопамятных и оригинальных»¹⁹.

За одно—два поколения в купеческом сословии произошли разительные перемены. Если среди купцов середины XVIII в. далеко не многие могли подписаться за себя, то их дети и внуки получали образование, ездили в столицу и даже за границу, обладали более широким кругозором и уже по-иному расценивали свое значение в экономической и общественной жизни страны. Примечательно, что среди иркутского купечества растет интерес к совершенствованию своих профессиональных знаний, появляются молодые предприниматели, которые «занимаются торговлей не как ремеслом, но как наукою, изучают ее по фактам и на практике»²⁰. Все это способствует не только совершенствованию приемов и правил предпринимательской деятельности, но и появлению новых морально-этических норм и ценностей, среди которых приоритет получают просвещение, собирание культурных ценностей, любовь к книге, благотворительная деятельность. Один из иркутских краеведов, Н.С. Шукин, имел все основания гордиться уровнем культуры родного города. «Представь себе, — писал он, — здешние купцы имеют богатые библиотеки, выписывают все журналы, все вновь выходящие книги. Дочери их и жены, занимаются чтением, играют на фортепиано. В Сибири, любезный друг, в Сибири, о которой все имеют такое низкое мнение, — в этой дикой и хладной стране, удивляются стихам Пушкина и читают Гомера»²¹. Активной меценатской деятельностью отличались иркутские купцы Баснины, Медведниковы, Сибиряковы, Трапезниковы, Е.А. Кузнецов, верхнеудинские Г.А. Шевелев и М.К. Курбатов, селенгинские Старцевы, Наквасины, кяхтинские Н.М. Игумнов, И.И. Котельников, Лушниковы, нерчинские И.А. Юренский, Зензиновы, Бутины.

Разумеется, не стоит преувеличивать масштабы указанных перемен. Они затрагивали лишь небольшую часть купечества,

экономически независимую и социально зрелую, которая к тому же жаждала уже «не столько богатства, сколько славы». Среди мелкого купечества и мещанства людей, подобных Басниным, Е.А. Кузнецову, М.К. Курбатову найти было гораздо сложнее. Но общая тенденция к «окультуриванию» общества была налицо. Она набирала силу в течение всего XIX в. по мере развития просвещения и общественной мысли.

Торговый капитал выступал, прежде всего, как капитал купеческий. Монопольное право купечества на производство торговли закреплялось рядом правительственных постановлений и указов, обобщением которых была «Жалованная грамота городам» 1785 г. Однако свои привилегии им приходилось отстаивать в острой конкурентной борьбе, как с иногородними предпринимателями, так и с местными торговцами из числа крестьян, городских низов и других слоев общества. Уже в середине XVIII в. иркутские купцы жаловались властям на то, что крестьяне и буряты из близлежащих селений имеют в городе свободный мелочный торг и, «перекупая выменом товары российские, разношат по улицам и по домам продают»²². Среди нарушителей правил торговли особенно часто встречались торгующие крестьяне из северорусских губерний. Особенно широкую известность в Сибири получили крестьянские предприниматели из Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии, так называемые «вязниковцы». Это были типичные представители развозной торговли, стремящиеся ускользнуть от всяких форм контроля, постоянно отыскивающие новые рынки сбыта, налаживая новые цепочки экономических связей. Этим они создавали серьезную конкуренцию склонным к монополии сибирским купцам, сбивая цены и показывая примеры оборотистости. Они хорошо ориентировались в местных условиях, и могли, поэтому, продавать свои товары дешевле, успевая не только реализовывать привезенный товар, но и, стараясь «предуспеть» входить в новые покупки товаров не только российских, но и здесь пышных и, таким образом, воспользоваться сделать до несколько крат оборотов в один год»²³.

Не менее активным было участие в предпринимательской деятельности местного сельского населения. Изданные М.М. Сперанским в ноябре 1819 г. «Правила о свободе внут-

ренной торговли» значительно расширили возможности поступления крестьянских товаров на городской рынок и способствовали развитию межрайонных рыночных связей. Надо сказать, что купечество по-разному относилось к предпринимательству местных сельских жителей и торгующих крестьян из Европейской России. Если коммерческие права первых, занимавших свою нишу в системе сибирского рынка и часто выступавших в качестве доверенных лиц купцов, они готовы были признать, то деятельность российских крестьян, привозивших мануфактурные товары и, тем самым, конкурировавших с купечеством в той же сфере коммерции, вызывала у них активное неприятие. Эта двойственность четко прослеживается в решениях собрания иркутских купцов, состоявшегося в декабре 1824 г., на котором обсуждались меры по защите сословных привилегий местного купечества. Если в отношении местных торгующих крестьян предлагалось ограничиться более эффективным контролем, то «приезжающим сюда из Европейской России крестьянам, торгующим по свидетельствам», рекомендовалось вообще «въезд воспретить». При этом иркутские купцы предлагали передать сегмент рынка, который высвобождался в результате реализации этого запрета, местным мещанам²⁴.

Практически вся мелочная и разносная торговля в городах осуществлялась посадским населением. Среди мелочных торговцев было много женщин, торговавших со столов и полок предметами рукоделия, табаком, кондитерскими изделиями, овощами. В конце 1790-х гг. только на иркутском хлебном рынке торговало 92 человека. Их социальный состав был достаточно пестр: мещан — 50, цеховых — 28, купцов — 2, ссыльнопоселенцев — 2, солдат — 7, прочих — 3²⁵. Зажиточная верхушка мещанства достаточно успешно конкурировала с купечеством, особенно в розничной торговле. В Иркутске, например, торговлю, свойственную купечеству, производило около 30 мещан. В Верхнеудинске непозволительной для мещан торговлей занималось 20 человек: 12 по домам, а 8 — в лавках гостиного двора²⁶. В документах многих сибирских городских дум зафиксированы жалобы купечества на незаконную торговлю в городах посадского населения и разночинцев, крестьян, представителей коренных народов, ссыльных.

Несмотря на то, что иногородним предпринимателям право осуществлять торговые операции разрешалось только во время ярмарок, а для производства постоянного торга они должны были записываться в иногородние гости с выплатой определенных сумм в доход города, обычной практики было нарушение установленных постановлений. Иркутские купцы неоднократно указывали, что многие иногородние торговцы, имеющие лавки в гостином дворе, незаконно торгуют в них после окончания ярмарок, часто по просроченным свидетельствам, а также продают товары прямо из домов, в которых квартируют. Особенно большие размеры приняло проникновение пришлого капитала на рынки Иркутска. В начале XIX в. только в мещанском гостином дворе иногородним торговцам принадлежало почти 35% торговых помещений.

Существенным конкурентным фактором для купечества была торгово-промысловая деятельность местного казачества. Так, неоднократно на протяжении рассматриваемого периода жаловались властям на «подрыв» местным казачеством их монопольных прав на торговлю забайкальские купцы. А Иркутская городская дума рассматривала возросшую конкуренцию со стороны казаков в таких важных для местного купечества сферах предпринимательства, как подряды на перевозку казенных и частных грузов по Байкалу и рыбопромышленность, в качестве одной из причин сокращения численности местных купцов, наблюдавшегося в первой четверти XIX в.²⁷

К концу первой четверти XIX в. явственно выявилась тенденция постепенного сокращения купеческих капиталов на фоне заметного роста числа предпринимателей из других социальных групп. Например, в 1817 г. в Иркутске по данным городской думы из 168 представителей торгового капитала, только 53 торговца были купцами, в числе остальных: 47 торгующих мещан, 44 приказчика из тех же мещан, 13 иногородних гостей и 11 цеховых²⁸. Относительная слабость сословных перегородок в Сибири приводила к тому, что городское население часто меняло сферу деятельности, переключалось на другие хозяйственные занятия. Внутри мещанского и цехового обществ отчетливо проявлялась дифференциация имущественного положения. Мизерные обороты розничной торговли, полная зависимость от

крупного капитала, конкурентная борьба, — все это приводило к банкротству многих мелких собственников. Только в течение 1823–1829 гг. в Иркутске разорилось 64 мещанина и 16 цеховых²⁹. Многие из мещан занимались обслуживанием торговых операций в качестве приказчиков и доверенных лиц. В 1819 г. мещане составляли 88,6% всех приказчиков, торговавших в Иркутском гостинном дворе³⁰. Некоторые из торговых служащих, скопив капитал, со временем переходили в купечество. Большинство же мещан и цеховых вынуждено было кормиться собственным трудом.

Упадок гильдейских капиталов в первой трети XIX в., ухудшение положения мещанства и цеховых сопровождалось противоположной тенденцией — ростом конкурентоспособности разночинцев, крестьян, ссыльных, возрастанием их роли в хозяйственной жизни города. Часть из них прочно обосновалась в городе, другие приходили сюда в поисках работы. Они активно включались в хозяйственную жизнь городов, конкурируя не только с мещанами и цеховыми, но даже с мелким купечеством.

Существенное влияние на сословную структуру сибирского города оказывала ссылка. Среди основных занятий ссыльных были батрачество, промысловые работы, обслуживание водного и гужевого транспорта, ремесло. Хозяйственная деятельность их сдерживалась рядом правительственных постановлений. Выступая как один из отрядов наемной рабочей силы, ссыльные в то же время продолжали оставаться поднадзорными со значительными ограничениями свободы передвижения. Несмотря на противодействие властей, часть ссыльных оседала в городах. Со временем некоторые из них закрепляли свое положение переходом в городские сословия. В конце 1780-х гг. в обывательской книге Иркутска было зафиксировано 50 домохозяев из ссыльных. Из них в мещанство было записано 10 человек, в цех — 32³¹. Активно участвовали ссыльные в товарообмене с сельским населением. Иркутская городская дума неоднократно обращала внимание администрации на то, что ссыльные и разночинцы фактически захватили в свои руки развозной торг по уезду, превратившись в скупщиков крестьянского хлеба³². Значительная часть ссыльных была задействована в мелочной торговле, объемы которой были невелики, но давали возможность прокормиться. Так, со-

сланный в Иркутск в цех слуг А. Путет занимался выделкой и разносом по улицам калачей. Некоторые поселенцы использовали даже наемный труд. Так, ссыльный Н. Титов организовал производство пряников, коврижек и т.п. на продажу. Он нанимал разносчиков, в числе которых был, например, посельщик Идинской волости А. Петров (разносчик с ящиком)³³.

Труд поселенцев и ссыльных широко использовался в городском товарном производстве. Многие нанимались к богатым ремесленникам, работали на промышленных предприятиях, но среди ссыльных были и такие, которые сами имели работников, нередко из числа своих же товарищей по несчастью. Свои изделия на рынок поставляли также мещане, крестьяне, разночинцы, ссыльные, которые, по признанию местных властей, «гораздо удобнее и дешевле приготавливают для городских жителей вещи всякого мастерства». По данным иркутской ремесленной управы, в 1828–1929 гг. в городе, помимо цеховых, занимались ремеслом 142 человека, большую часть которых составляли мещане и ссыльные³⁴.

Близость кяхтинского рынка привлекала в южные районы Иркутской губернии не только крупные капиталы. А.Н. Радищев подчеркивал, что китайский торг питал многих маломощных купцов и мещан Иркутска³⁵. Монополия крупного капитала во внешней торговле ставила остальных предпринимателей в зависимое положение. Иркутское купечество низших гильдий неоднократно выступало с требованиями допустить их к китайскому торгу. Закрытие кяхтинского торга для менее состоятельных деловых людей заставляло их искать другие возможности товарообмена с Китаем. Так, быстрое развитие получает мелочная торговля продуктами скотоводства и земледелия, которая была разрешена кяхтинским купцам и мещанам, пограничным казакам и забайкальским бурятам. Ее оборот в первой четверти XIX в. не превышал 180 тыс. р., но уже к 1840-м гг. удвоился и продолжал расти. Крупное купечество не без основания видело серьезных конкурентов в мелких торговцах, которые в обмен на свою продукцию приобретали китайские товары и развозили их по всему Забайкалью. Иногда в нарушение закона они производили даже оптовую торговлю. Так, в 1838 г. хоринский бурят Шанжеев продавал крупные партии

чая и китайки троицкосавским купцам третьей гильдии. В подобных же нарушениях был замечен отставной канцелярист П. Мостовский³⁶.

Значительные размеры получила нелегальная торговля приказчиков, обозных служителей и ямщиков. Практически каждый из них привозил в Кяхту с купеческими караванами свои товары, обменивая их на чай, который затем сбывал на обратном пути. Ежегодно в Сибири расходилось до 4 тыс. пудов так называемого «совкового» чая, похищенного обозными служителями. На границе с Китаем процветала контрабандная торговля. Малочисленные русские пограничные караулы не могли оказать ей серьезного противодействия. Более того, она совершалась при прямом попустительстве местных властей, которые нередко делили доходы с контрабандистами. Особенно большие размеры незаконная торговля приобрела в Нерчинском крае. В приграничные селения и караулы пригонялись табуны лошадей и крупного рогатого скота, привозились хлеб и другие товары.

После введения беспошлинной пограничной торговли между Россией и Китаем в середине XIX в. в городах Байкальской Сибири наблюдается заметное расширение китайской диаспоры. В основном это были мелкие торговцы и ремесленники. «Сильное впечатление производила на нас, — вспоминал детские годы А.А. Игнатъев, — Китайская улица, находившаяся почти в центре, близ городской часовни. В 80-х годах китайцы торговали в Иркутске морожеными фруктами, китайским сахаром, сладостями, фарфором и шелковыми изделиями»³⁷. В начале XX в. в Иркутске действовало несколько десятков китайских лавочек и магазинов, а всех китайских торговцев считалось около 200 человек³⁸.

Еще в большей степени китайское присутствие было заметно в Забайкалье. По мнению путешественников, уже в Верхнеудинске явственно ощущалось соседство с Китаем: «Все лавки на базарной площади имеют надписи на китайском и русском языках. В городе проживает несколько сотен китайцев и значительная часть розничной торговли сосредоточена в их руках»³⁹. Не только в городах, но и во многих забайкальских селах встречались небольшие китайские лавки с китайскими и русскими товарами.

Активное участие в предпринимательской сфере самых разных социальных групп размывало сословный монополизм купеческого капитала и заставляло правительства искать компромиссные решения. Так, в 1812 г. была учреждена сословно-податная группа торгующих крестьян, получившая торговые права, сравнимые с купеческими. Утвержденные в 1824 г. дополнительные постановления «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» расширили круг лиц, которым разрешалась предпринимательская деятельность, введя категории мещан и крестьян, торгующих по свидетельствам различного рода. Этими же правилами были конкретизированы взаимоотношения между местными предпринимателями и иногородними. Городские власти получили возможность более действенного контроля за незаконными торговыми операциями на городских рынках. Функции по проверке незаконной и неуставной предпринимательской деятельности были возложены на специально создаваемые при городских думах торговые депутации. Первая такая депутация в Иркутске в составе купцов Я. Солдатова, Е. Сапожникова, М. Мягкоступова, Г. Саломатова приступила к работе уже в 1825 г.⁴⁰

Таким образом, к середине XIX века в предпринимательской среде Байкальской Сибири произошли значительные изменения, свидетельствующие о формировании буржуазного менталитета. Показателями их были большая динамичность хозяйственной жизни городов, прежде всего губернского центра, расширение коммерческого кругозора и торговых связей купечества, стабилизация и растущее влияние представителей крупного капитала в городском управлении и общественной жизни, разительные перемены в образе жизни и культуре горожан. Расширение социального состава торгующих явилось важным стимулом развития внутригородской торговли и формирования сибирских капиталов. Устойчивой тенденцией экономического развития на протяжении рассматриваемого периода становится постепенное размывание сословных форм организации хозяйственной жизни, проявлявшееся в возрастающем участии в торгово-промышленном предпринимательстве других, помимо купечества, социальных групп населения.

Примечания

¹ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996; Разгон В.Н. Сибирское купечество XVIII–первой половины XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4-х т. /под ред. Д.Я. Резуна, Д.М. Терешкова. Новосибирск, 1994–1999; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая. Барнаул, 2001; Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя половина XVIII — первая половина XIX века). М., 2006; Шахеров В.П. Иркутск купеческий. История города в судьбах и лицах. Хабаровск, 2006 и др.

² Давыдов Г.И. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. С. 19–20.

³ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 1, оп. 1, д. 17539, л. 2–18.

⁴ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. (Ж-К). Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 139.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 19. Госархив, финансы, оп. 1, д. 40, л. 164–165.

⁶ Там же. Ф. 397, оп. 1, д. 445/16, л. 8–8 об.

⁷ Там же. Ф. 219, оп. 4, д. 20723, л. 2; ф. 1069, оп. 1, д. 126, л. 9.

⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 308, оп. 1, д. 87.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281, оп. 11, д. 45, л. 35.

¹⁰ Таблица составлена по: ГАИО. Ф. 70, оп. 1, д. 1484; ф. 308, оп. 1, д. 87, 300, 335.

¹¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 20, оп. 1, д. 4021, л. 9–12.

¹² ГАИО. Ф. 308, оп. 1, д. 72, л. 1–4.

¹³ Там же. Ф. 70, оп. 1, д. 2340, л. 32–34, 37–38.

¹⁴ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибири, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 238–239.

¹⁵ ГАИО. Ф. 70, оп. 1, д. 1189, л. 3–8.

¹⁶ ГАКО. Ф. 655, оп. 2, д. 263, л. 87.

¹⁷ Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 269.

¹⁸ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1911. Ч. III. С. 19.

¹⁹ Записки иркутских жителей... С. 55–56.

²⁰ Там же. С. 445.

²¹ Щукин Н. Письмо из Иркутска // Северная пчела. 1828. № 3.

- ²² ГАИО. Ф. 70, оп. 1, д. 1101, л. 1.
- ²³ Там же, д. 2340, л. 1 об.
- ²⁴ Разгон В.Н. Отстаивание сибирским купечеством сословных привилегий в сфере торгово-промышленного предпринимательства (XVIII–первая половина XIX в.) // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири*. Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 32.
- ²⁵ ГАИО. Ф. 70, оп. 1, д. 1751, л. 10–13.
- ²⁶ НАРБ. Ф. 20, оп. 1, д. 5740, л. 7.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 70, оп. 1, д. 2340, л. 18.
- ²⁸ Там же, д. 1975, л. 17–19.
- ²⁹ Там же, д. 2793, л. 48.
- ³⁰ Там же, ф. 308, оп. 1, д. 158, л. 2–3.
- ³¹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 1076, л. 5–7.
- ³² Там же, д. 1339, л. 11–11 об.
- ³³ Там же, оп. 10, д. 43, л. 223.
- ³⁴ Там же, оп. 1, д. 2658, л. 4, 9–10.
- ³⁵ Радищев А.Н. Письмо о кяхтинском торге // *Полн. собр. соч.* Т. 2. М.; Л., 1941. С. 20.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1264, оп. 1, д. 607, л. 14.
- ³⁷ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1986. С. 29.
- ³⁸ Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 185.
- ³⁹ Батуева Т.Б. Краткие заметки Э. Котго о Верхнеудинске // *Улан-Удэ в прошлом и настоящем*. Улан-Удэ, 1996. С. 76.
- ⁴⁰ ГАИО. Ф. 70, оп. 1, д. 2511, л. 7–8.